

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-307-321

УДК 821.161.1

«Теперь о Зощенке»: Адамович, Тэффи и «озабоченность влиянием»*

© 2020, А. Устинов

Аннотация: На протяжении 1920–30-х гг. произведения Мих. Зощенко пользовались огромной популярностью и активно издавались и обсуждались не только в СССР, но и в среде русской эмиграции. Имя писателя начинает встречаться в «Литературных беседах» Георгия Адамовича уже в «Звене» (1925–1926), в самом начале его критической деятельности. Выстраивая эволюцию оценок литературного таланта Зощенко в обзорах Адамовича, автор рассматривает его забытую рецензию на зощенковскую повесть «М.П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине)», которая появилась 12 марта 1931 г. в парижской газете «Последние новости» и не была включена в переиздание «Литературных заметок» Адамовича. Эта рецензия побудила Тэффи (Н.А. Лохвицкая-Бучинская) обратиться к Адамовичу с частным письмом (впервые публикуется в настоящей работе), в котором писательница сформулировала свое отношение к художественной манере Зощенко («Он не писатель. Он юморист»), возможно, продиктованное «ревностью» к коллеге по амплу писателя-сатирика и «озабоченностью влиянием» Зощенко на ее собственное творчество.

Ключевые слова: Г. Адамович, М. Зощенко, В. Ходасевич, Тэффи, советская литература, литературная критика русской эмиграции, письма писателей

Информация об авторе: Андрей Устинов, доктор филологических наук, главный редактор издательства «Аквилон», Сан-Франциско, США. E-mail: abooks@gmail.com

Цитирование: Устинов А. «Теперь о Зощенке»: Адамович, Тэффи и «озабоченность влиянием» // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 307–321. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-307-321

* Приношу искреннюю признательность Дмитрию Николаеву и Игорю Лоцилову за своевременную помощь.

Короче, Зощенко — поэт,
а другие — просто беллетристы.

Георгий Адамович

В марте 1931 г. Георгий Адамович, присяжный обозреватель газеты «Последние новости», посвятил свой почти еженедельный обзор трем новым книгам, в том числе «Воспоминаниям о Мишеле Синягине» Михаила Зощенко, выпущенным в январе берлинским издательством «Петрополис»¹. На фоне отрецензированных им в тех же «Литературных заметках» московских сборников — рассказов Сергея Юрина «Любовь и коммуна» и очерков Льва Овалова «Красное и черное» — изданная за границей книга известного советского писателя выглядела довольно вызывающе. Тем более что «Воспоминания о Мишеле Синягине» тогда же вышли в «Издательстве писателей в Ленинграде»².

В среде русской эмиграции Зощенко считался одним из самых читаемых советских писателей, и его новая «сентиментальная повесть» не могла не остаться без внимания. Ее появление не укрылось от Владислава Ходасевича, который откликнулся на «новомирскую» публикацию «М.П. Синягина»³ в «Литературной летописи» парижской газеты «Возрождение». По четвергам он на пару с Ниной Берберовой, а часто и самолично, публиковал в этой рубрике книжные и журнальные обзоры, в основном советской литературы, за подписью «Гулливер»:

В 12-ой книге «Нового мира» напечатана повесть М. Зощенки «Воспоминания о Мишеле Синягине». Зощенко печатается в толстых журналах не часто, поэтому повесть особенно привлекает к себе внимание. Рассказывается в ней обычным жалостливым и полным

¹ *Зощенко Мих.* Воспоминания о Мишеле Синягине. Берлин, 1931. 71 с.

² *Зощенко Мих.* М.П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине). Л., 1931. 79 с. Это издание, на обложке которого стояло название «Воспоминания о М.П. Синягине», вышло в свет в самом начале января. Известен экземпляр из собрания В. Петрицкого с дарственной надписью автора психологу Л. Выготскому: «Дорогому Льву Семеновичу / с дружбой / М. Зощенко / 7/1 31» (см.: <https://ru.bidspirit.com/lot/Page/source/catalog/auction/8567/lot/132027>; дата обращения: 30.05.2020). В издании «Избранные повести» (Л., 1936) «на титульном листе появился заголовок “Мишель Синягин”, а первоначальный вариант стал внутренним заглавием, помещенным после “Предисловия”» (*Зощенко М.* Сентиментальные повести / Сост. и примеч. И. Сухих. М., 2008. С. 597).

³ *Зощенко Мих.* М.П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине) // Новый мир. 1930. № 12. С. 112–140. Зощенко закончил работу над жизнеописанием Михаила Поликарповича Синягина в сентябре 1930 г.

отступлений и намеков стилем Зоценки о жизни незадачливого поэта Синягина, оказавшемся не ко времени в революционной России. «Кому-нибудь же надо откликнуться на переживания других, скажем, средних людей, так сказать, не записанных в бархатную книгу жизни», — говорит Зоценко, приступая к описанию жизни своего никому неведомого героя⁴. Извиняется он за скучное название повести: сперва хотел он ее назвать «У жизни в лапах» или — «Жизнь начинается послезавтра, — но, говорят, эти заглавия уже использованы другими авторами. Синягин начал свою деятельность в те годы, когда «было еще порядочное количество людей высокообразованных и интеллигентных, с тонкой душевной организацией и нежной любовью к красоте и к разным изобразительным искусствам»⁵. Жил он с матерью и теткой. Но мать умерла, тетку посадили в сумасшедший дом, девушка, которую Синягин обольстил и на которой пришлось ему жениться, ушла к другому. Синягин опускался всё ниже, дошел до ночлежного дома и в 1929 г. решил вернуться к своей бывшей жене. И тут он нашел неожиданно и заботу, и ласку. Муж его бывшей жены достал ему службу, и он умер на руках у обоих. Эта незатейливая и грустная история рассказана несколько сухо, синематографично, но на фоне прочей сов<етской> беллетристики кажется человеческой. Обычное остроумие Зоценки сквозит на каждой странице, но в общем всё же большие вещи, видимо, не слишком ему удаются⁶.

Кроме того, два дня спустя после разбора «Гулливера» парижский Союз молодых писателей и поэтов устроил очередное собрание, на котором с рассказом уже о книге Зоценко, изданной «Петрополисом», выступила Тамара Штильман. «В субботу, 24-го января в помещении Союза (79, рю Данфер Рошера), — сообщалось в газетной хронике, — состоится литерат<урный> вечер. В I отд<елении> Н. Городецкая прочтет отрывок из неизданного романа и В. Яновский — рассказ “Смерть студента Курлова”. Во II-м отд<елении> — устные рецензии: В. Дряхлова о “Перекрестке”, Ю. Мандельштама

⁴ Ср. у Зоценко: «Кому-нибудь надо откликнуться и на переживания других, скажем, более средних людей, так сказать, не записанных в бархатную книгу жизни» (Новый мир. 1930. № 12. С. 112; *Зоценко М.* Сентиментальные повести. С. 261).

⁵ См. у Зоценко весь абзац: «В те годы было еще порядочное количество людей высокообразованных и интеллигентных, с тонкой душевной организацией и нежной любовью к красоте и к разным изобразительным искусствам. Надо прямо сказать, что в нашей стране всегда была исключительная интеллигентская прослойка, к которой охотно прислушивалась вся Европа и даже весь мир» (Новый мир. 1930. № 12. С. 117; *Зоценко М.* Сентиментальные повести. С. 272).

⁶ *Гулливер*. Литературная летопись // Возрождение. 1931. № 2060, 22 янв. С. 4.

о книге Ант. Ладинского “Черное и Голубое”, Т. Штильман о новой книге Зощенко»⁷.

Отзыв Адамовича явно запоздал по времени, что было довольно странно, поскольку имя Зощенко начинает встречаться в «Литературных беседах» уже в «Звене», в самом начале его критической деятельности:

Вообще вся беда и несчастье новой русской беллетристики — в языке. Что замысел, что композиция, когда несносная «картинность» стиля не дает ни минуты передышки. Года четыре назад, в Петербурге, на одном из собраний Серапионов <т.е. «Серапионовых братьев». — *А.У.*> М. Зощенко или <М.> Слонимский — помню — приводили как пример анти-художественной, плоской фразы следующее:

— Армия Юденича подходила к городу.

И все «серапионы» соглашались, что так начать рассказ нельзя, что надо дать образ, или — по-старинному — «настроение». Какое ребячество!⁸

Откликаясь на прозу Зощенко, Адамович неизменно делал упор на его литературную генеалогию, называя его последователем Гоголя. На этом утверждении построен его отзыв о повести Зощенко «О чем пел соловей» — первый из серии его «литературных бесед», посвященных писателю. Если исключить из этой рецензии упрощенный пересказ сюжета, то литературное наследование Гоголю оказывается основным критическим впечатлением Адамовича от

⁷ Союз молодых писателей и поэтов // Возрождение. 1931. № 2060, 22 янв. С. 5. См. бутаду Тэффи, записанную Адамовичем:

Тэффи, чуть-чуть смеясь глазами, но с самым деловитым и серьезным видом рассказывает:

— Сижу я вчера вечером в кафэ, против монпарнасского вокзала. Вдруг вижу из бокового зала выходят много пожилых евреев, говорят по-русски. Я заинтересовалась, остановила одного и спрашиваю, что это было такое... А это, оказывается, было собрание молодых русских поэтов.

(*Адамович Г.* Table Talk // Новый журнал. 1961. Кн. 64. С. 110).

⁸ Звено. 1925. № 122, 1 июня. С. 2. Цит. по: *Адамович Г.* Литературные беседы. Кн. 1 («Звено»: 1923–1926) / Вступ. ст., сост. и примеч. О. Коростелева. СПб., 1998. С. 234. См. также его оговорку: «Никто из “Серапионовых Братьев” в гении не вышел, но средней руки писателями (а Зощенко даже выше средней) стали все они. Действовавший же параллельно и в то же время поэтический кружок “Звучащая Раковина” не дал ровно ничего, кроме — да и то с натяжкой — Конст<антина>Вагинова, этого мало кому известного русского “сюрреалиста”» (Звено. 1926. № 188, 5 сент. С. 1; Цит. по: *Адамович Г.* Литературные беседы. Кн. 2 («Звено»: 1926–1928) / Вступ. ст., сост. и примеч. О. Коростелева. СПб., 1998. С. 69).

прочтения Зоценко, не случайно выведенного под именем «Гоголенко» в прекрасном романе Ольги Форш «Сумасшедший Корабль»⁹:

Полвека назад говорили, что вся русская литература вышла из шинели Акакия Акакиевича.

О теперешней литературе этого не скажешь. Любовь к униженным и слабым, проповедь братства и милости теперь мало кого вдохновляют. Но другая гоголевская повесть стала современной. Это — повесть об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче. Она как бы стоит эпиграфом над всей новой русской словесностью. Дух ее носится над нашей пореволюционной литературой. <...>

М. Зоценко напечатал в московском альманахе «Ковш» повесть «О чем пел соловей».

Если бы не было повести об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче, произведение Зоценко могло бы вызвать долгие размышления. Но с первых его страниц ясно, что ничего, кроме того, что сказал Гоголь и что за ним с ослабленной страстью, с ослабленной грустью повторило столько писателей, Зоценко не сказать. Его повесть лишь новая вариация на тему: в жизни нет ни смысла, ни порядка. <...>

Повесть написана крайне витиевато. Как и Гоголь, Зоценко чувствовал, что его история, по существу слишком глупа, он приправил ее иронией, размышлениями, замечаниями «в сторону». Он очень хорошо сделал это, как немногие из его литературных сверстников могли бы сделать. Я говорю не о внешнем мастерстве или технике, а о соответствии стиля замыслу. «Смех сквозь слезы» еще раз прозвучал в нашей литературе¹⁰.

⁹ «Гоголенко» появляется уже в «Волне первой»: «Одуванчик пошел стучать в дверь к Копильскому, к Гоголенке, к поэту Эльхену, в руссификации уборщиц — просто Олькину, и басовито ворчал: — Моя мама приказала топор!» (Форш О. Сумасшедший Корабль. Вашингтон, 1964. С. 62). В своем отзыве на роман Адамович назвал несколько прототипов персонажей Форш: «Вот Шкловский, вот Чуковский, вот Блок, уже умирающий, молчащий, окаменевший. Вот Аким Волинский <...> Дальше — Сологуб, Гумилев, Щеголев, Клюев и многие другие», — но не упомянул Зоценко или, может быть, просто не узнал за маской «Гоголенки» (см.: Адамович Г. «Сумасшедший Корабль» // Последние Новости. 1932. № 4061, 5 мая. С. 3; То же // Новое Русское Слово. 1932. № 7056, 22 мая. С. 8. Цит. по: Адамович Г. Литературные заметки. Кн. 2 («Последние новости»: 1932–1933) / Подгот. текста, сост. и примеч. О. Коростелева. СПб., 2007. С. 75–76).

¹⁰ Звено. 1926. № 156, 24 янв. С. 1–2. Цит. по: Адамович Г. Литературные беседы. Кн. 1. С. 394–396. Вторую часть этой «литературной беседы» Адамовича составляют критические заметки о поэзии Константина Вагинова такого свойства: «Здешним читателям его имя почти неизвестно. Не думаю, чтобы Вагинов когда-нибудь стал знаменитым. У него нет ни воли, ни силы, ни настойчивости. <...> В стихах Вагинова нет ничего похожего на обычную речь. Логика отсутствует совершенно. Сцепление образов и слов произвольно, а если и подчинено каким-нибудь законам,

В другой «беседе» Адамович высказался о Зощенко, заблудившись в обсуждении как раз Ольги Форш, когда привлек для развенчания ее книги «Московские рассказы» (Л., 1926) еще и прозу Андрея Белого. Несмотря на ироническую характеристику «рассказики», он признал талантливость прозы Зощенко и его «таинственный дар» как писателя: «Читал я на днях роман Андрея Белого, читал после него рассказы Зощенко (о котором пишет сегодня К.В. Мочульский). Едва ли кто-нибудь скажет, что Белый менее талантлив, чем Зощенко: нет, он, несомненно, талантливее, несомненно, значительнее. Но вот у Зощенко есть этот “таинственный” дар. А у Белого нет. И чем-то Зощенко оказывается “выше” Белого. Но у Белого всё построено и основано на внутренней правдивости реализма. Поэтому он остается писателем, несмотря на неудачу в этой области»¹¹.

Не высказываясь специально о «короткой прозе» Зощенко, Адамович, тем не менее, использовал его писательский талант и работу в этом жанре как мерило для оценки сборника юмористических рассказов Валентина Катаева «Птички божьи» (М.; Л., 1928), отметив, что его выход вызвал «большое разочарование»: «Особенно вредило катаевской юмористике то, что она была похожа на Зощенку и при этом была лишена острой зощенковской грусти, поэтической прелести лучших его рассказов. <...> Едва ли Катаев юморист. Если он сам себя таковым считает, то, по всей вероятности, ошибается: его юмористические вещи неизмеримо грубее других, и, взяв за образец Зощенку, он, в сущности, уподобляется в них Аверченко»¹².

К противопоставлению техники литературного юмора у этих двух авторов Адамович вернулся в статье, целиком посвященной Зощенко, в которой также продолжил рассуждения о его гоголевской преемственности, повторяя написанное прежде о повести «О чем пел соловей». Главным поводом послужил выход его книги «Избранное» (М., 1929), поэтому Адамович предпочел назвать статью «Мих. Зощенко» — именно так писатель подписывал свои произведения:

Это очень грустный писатель. И, может быть, оттого в юморе Зощенки <sic!> бывает такая прелесть, что юмор его легкий, бледен,

то только звуковым, — смутным и сбивчивым. Его поэтическая фраза прозаически представляет собой фразу вполне бессмысленную» (*Там же*. С. 396–397).

¹¹ Звено. 1927. № 212, 20 февр. С. 2. Цит. по: Адамович Г. Литературные беседы. Кн. 2. С. 172. Упомянутая Адамовичем статья Константина Мочульского «О юморе Зощенко» напечатана в том же выпуске «Звена» (с. 2–3).

¹² Адамович Г. Рассказы В. Катаева // Последние Новости. 1930. № 3417, 31 июля. С. 3. Цит. по: Адамович Г. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости»: 1928–1931) / Предисл., подгот. текста, сост. и примеч. О. Коростелева. СПб., 2002. С. 346–347.

как будто «одухотворен». Далекий отсвет от Гоголя лег на Зощенко, и это становится особенно ясным, если сравнить писания его с рассказами, например, аверченковскими — всегда более грубыми, искусственными, лишенными внутренней темы, единой душевной основы. И всегда, — добавлю, — менее смешными. О Зощенке не следует судить по бесчисленным рассказам, появляющимся в советской или здешнейнашей печати. <...> Мелькают в газетных набросках отдельные «искры», след настоящего таланта. Но их немного. В книге же избранных рассказов Зощенки — его лучших вещей — этот талант чувствуется на каждой странице.

Зощенку я с Гоголем не сравниваю, конечно. Но мне думается, что он хоть и слабый и измелъчавший, но всё же подлинный потомок Гоголя. Совершенно так же, как за Миргородом, за бессмыслицей зощенковской повести «О чем пел соловей» встает что-то гораздо большее, чем ссора мелких людишек. Прочтите эту повесть — она достойна внимания¹³.

Как резюмировал Олег Коростелев в предисловии к составленному им собранию, «из 611 подвальных статей, опубликованных в “Последних новостях” с 1928 по 1940 год», в него вошла «лишь половина, в жанровом отношении наиболее близкая к стандарту “Литературных заметок”»¹⁴. Рецензия Адамовича на «Воспоминания о Мишеле Синягине» не прошла этот отбор, о чем тем более приходится сожалеть, поскольку он неожиданно написал о Зощенко совсем иначе, чем прежде. Создается впечатление, что эта повесть затронула в Адамовиче нечто сокровенное и заставила его пересмотреть прежние представления о литературном таланте Зощенко.

Это заметно уже в самом подходе к рецензии: в ней отсутствуют обычные для его критического письма черты, которые послужили основой для создания Владимиром Набоковым в романе «Дар» шаржа на Адамовича: «“Не помню, кто, кажется, Розанов, говорит где-то”, — начинал, крадучись Мортус; и, приведя сперва одну недостоверную цитату, потом какую-то мысль, кем-то высказанную в парижском кафе после чьей-то лекции, начинал суживать эти искусственные круги...»¹⁵

Рецензия на книгу Зощенко, вместо привычной для Адамовича необязательности, как кажется, потребовала от него необходимой со-

¹³ Адамович Г. Мих Зощенко // Последние новости. 1929. № 2927, 28 марта. С. 3. Цит. по: Адамович Г. Литературные заметки. Кн. 1. С. 161–163.

¹⁴ Адамович Г. Литературные заметки. Кн. 1. С. 12.

¹⁵ Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 150. См. также: Долинин А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М., 2019. С. 244–247.

средоточенности. Вместо того чтобы полагаться на «недостовверную цитату», он исправно приводит фрагменты из «М.П. Синягина», даже почти без пропусков и ошибок. Кроме того, Адамович неожиданно соглашается с выводами своего «вечного соперника» Ходасевича, который отметил в заключение отзыва о повести Зошенко, что «всё же большие вещи, видимо, не слишком ему удаются».

Вот первая часть рецензии Адамовича. Оставшиеся две трети, действительно, не представляют большого интереса и довольно далеко отстоят от «стандарта “Литературных заметок”»:

Новая повесть Зошенко «Воспоминания о Мишеле Синягине» — не принадлежит к лучшим вещам этого писателя. В ней попадаются «блестки» его дарования, — отдельные словечки, отдельные замечания, вроде тех, которые оживляют многие из его несравненных миниатюр. Но вся повесть вызывает недоумение.

Зошенко всегда пишет о бестолковщине, о чепухе. Нет сейчас писателя, под пером которого жизнь казалась бы более бессмысленна, — и это тем примечательнее, что жизнь у Зошенко подлинная, не выдуманная. Зошенко, действительно, рассказывает о России. Не пытаюсь породить никакой параллели между ним и Гоголем, надо, все-таки, сказать, что зависимость его от Гоголя несомненна, — и даже не только зависимость, но и духовная «созвучность» Гоголю. Зошенко — забавник, потешник, его сейчас не все и не всюду «принимают всерьез». Но рано или поздно час его придет, и тогда прелестный, горький и правдивый его юмор будет оценен по достоинству. Как не вспомнить, читая некоторые зошенковские вещи, слова Пушкина, столько раз цитированные и до сих пор не потерявшие силы:

— Боже, как грустна наша Россия!

— слова, сказанные по поводу «Мертвых Душ». «Боже, как грустна наша Россия», — к собранию рассказов Зошенко нельзя было бы найти лучшего эпитафия, и, как это ни странно, от Собакевича с Коробочкой к теперешнему строительству социализма эти слова оказываются многозначительным и вещим соединительным штрихом.

Однако, грустное недоумение, вызываемое «Воспоминаниями о Мишеле Синягине», — не совсем такого свойства. Прежде всего спрашиваешь себя, закрывая книгу: зачем автор всё это написал? — Спрашиваешь и не находишь ответа. У Зошенко, как говорится, «большой талант на маленькие вещи», ему, обыкновенно, удается наметить характеры одной или двумя чертами, и, при такой манере

письма, остается незаметна бедность и однообразие его рисунка. Кажется, в этих пределах ничего другого и дать нельзя. Но в повести необходимо развитие. По-видимому, Зоценко на него неспособен... Его «Мишель Синягин» начат отлично, и читатель с радостью узнает в первых главах столь знакомый, наивно-хитрый тон, простодушный и витиеватый стиль, — всё, что в Зоценко так оригинально. Но он перелистывает книгу, и ничего не меняется. В конце концов, люди, делающие всё время одни и те же движения, произносящие всё время одинаковые слова, превращаются в автоматы.

И оттого, что они превратились в автоматы, их поступки и судьба их не вызывают ни смеха, ни радости. Единственное чувство: за ними тяжело следить.

Мишель Синягин — «малоизвестный небольшой поэт». Стихи его в таком роде:

Незнакомкой я люблюсь. А когда
Эта наша незнакомка познакомится со мной,
Неохота мне глядеть на знакомое лицо
И противно ей давать обручальное кольцо¹⁶.

Подобные стихи могут не всем придтись по вкусу. Но сам Мишель считает себя гением, а мать его и тетка разделяют его мнение. Мать Мишеля — «довольно тихая, мало сварливая старушка, любящая сидеть у самовара и кушать кофе со сливками». Тетка, наоборот, привередлива и, в качестве бывшей балерины, капризна. Семья Синягиных живет в Пскове, ожидая, когда можно будет переселиться в купленное перед революцией имение. Но революция затягивается.

¹⁶ Ср. в «М.П. Синягине»:

Одно прелестное стихотворение «Дамы, дамы, отчего мне на вас глядеть приятно» отлично раскрывало это отношение. Это стихотворение заканчивалось так:

Оттого-то незнакомкой я люблюсь. А когда
Эта наша незнакомка познакомится со мной —
Неохота мне глядеть на знакомое лицо,
Неохота ей давать обручальное кольцо...

Тем не менее, поэт увлекся одной определенной девушкой, и в этом смысле его поэтический гений шел несколько вразрез с его житейскими потребностями.

(Новый мир. С. 121; Зоценко М. Сентиментальные повести. С. 280). См. также «стихи какого-нибудь там знаменитого поэта»:

В моем окне качалась лилия.
Я весь в бреду...
Любовь, любовь! Моя Идиллия,
Я к вам приду.

(Новый мир. С. 113; Зоценко М. Сентиментальные повести. С. 264).

Гениальный Мишель увлекается скромной псковской девицей Симочкой, на которой ему и приходится жениться. Разумеется, семейная жизнь его не удовлетворяет. Мишель бежит в столицу. Мать его умирает, а с теткой происходит ряд трагикомических происшествий. Отведав роскошной столичной жизни и разорившись, Мишель оказывается на краю гибели. Поэзия его не признана, делать ему нечего, денег у него нет. Постаревший, поседевший, ослабевший Мишель отправляется обратно в Псков — к своей жене, верной и любимой Симочке. Та, хотя и успела выйти замуж вторично, принимает раскаявшегося беглеца, — как ибсеновская Сольвейг принимает неудачника Пэр-Гинта <«Пера Гюнта» в транскрипции А. и П. Ганзен 1905 г. — *А.У.*>. Мишель пробует подняться, он даже хочет «бороться и строить новую жизнь». Но силы его подточены, и он умирает, случайно, — не забывает подчеркнуть Зоценко, — т. е. бессмысленно, «от гриппа, который осложнился воспалением легких». Симочка горько плачет. Она не успела сказать Мишелю того, что хотела и думала.

Вот и всё. В самой последней главе, где Мишель встречается с женой, есть неподдельное живое чувство. Остальное, повторяю, довольно бледно и как бы «механично».

Мне жаль, что недостаток места не позволяет сделать цитаты из вступления, где Зоценко говорит о себе, о современной литературе, о будущем читателе, о многом другом, — как всегда умно и лукаво, прячась за своего простачка-повествователя и поминутно отрекаясь от его суждений... Любопытнейшие вещи можно узнать от этого простачка. Вот, например, как представляют он себе будущего читателя «лет, этак, скажем, через сто или там немного меньше, когда всё окончательно утрясется, и жизнь засияет несказанным блеском».

«Он (читатель) приляжет на сафьяновую кушетку или там, скажем, на мягкий пуфик или козетку обопрет свою душистую голову на чистые руки и, слегка задумавшись о прекрасных вещах, раскроет книгу.

— Интересно, — скажет он, кушая конфетки, — как это они там жили в свое время.

А его красивая, молодая супруга, или там, скажем, подруга жизни, тут же рядом сидит в своем каком-нибудь исключительном пенюаре.

— «Андреус, или там Теодор, — скажет она, запахивая свой пенюар, — охота тебе, скажет, читать разную муру. Только, скажет, нервы треплешь, на ночь глядя»¹⁷.

Приблизительно так же, о том же мечтала когда-то Анна Андреевна Сквозник-Дмухановская, рисуя себе жизнь в Петербурге... Разница только в «муре». И, хотя официально полагается и предписывается в Советской России мечтать совсем о другом, зоценковский герой со своими чарующими видениями и помыслами там сейчас едва ли одинок¹⁸.

Возьмусь предположить, что Адамович прочитал «Воспоминания о Мишеле Синягине» сквозь призму собственной литературной биографии. В фигуре главного персонажа, «малоизвестного небольшого поэта», Адамович разглядел собственную судьбу стихотворца. Сначала на родине, в том числе в Новоржеве, где он жил некоторое время, городе, расположенном недалеко от Пскова, куда возвращается Синягин. А после в первые годы эмиграции, когда он появился в Париже — «молодой и в общем-то ничем не примечательный петербургский поэт, один из многочисленных учеников Гумилева»¹⁹. За границей Адамович фактически перестал писать стихи, переключившись на другие жанры — эссе, хроника, рецензии, «комментарии» — выдуманный им жанр необязательных рассуждений обо всем, и проч.

¹⁷ Ср. этот разбитый Адамовичем на две цитаты фрагмент у Зоценко; курсивом выделены слова, «потерянные» в рецензии:

Вот в дальнейшем, лет этак, скажем, через сто или там немного меньше, когда всё окончательно утрется, *установится, когда жизнь засияет* несказанным блеском, какой-нибудь гражданин, какой-нибудь этакий гражданин с усиками, в этакое, что ли, замшевом песочном костюмчике или там, скажем, в вечерней шелковой пижаме, возьмет, предположим, нашу скромную книжку и приляжет с ней на кушетку.

Он приляжет на сафьяновую кушетку или там, скажем, на *какой-нибудь* мягкий пуфик или козетку, обопрет свою душистую голову на чистые руки и, слегка задумавшись о прекрасных вещах, раскроет книгу.

— Интересно, — скажет он, кушая конфетки, — как это они там жили в свое время.

А его красивая, молодая супруга, или там, скажем, подруга *его* жизни, тут же рядом сидит в своем каком-нибудь исключительном пенюаре.

— Андреус, или там Теодор, — скажет она, запахивая свой пенюар, — охота тебе, скажет, читать разную муру? Только, скажет, нервы *себе* треплешь на ночь глядя.

(Новый мир. С. 113; Зоценко М. Сентиментальные повести. С. 263–264).

¹⁸ Последние Новости. 1931. № 3641, 12 марта. С. 2.

¹⁹ Коростелев О. Подчиняясь не логике, но истине... («Литературные беседы» Георгия Адамовича в «Звене») // Адамович Г. Литературные беседы. Кн. 1 («Звено»: 1923–1926). С. 5.

При этом больше всего на свете Адамович любил русскую поэзию, неслучайно Димитрий Шаховской назвал его «поэт-критик»²⁰.

Еще раз он вспомнил о Синягине, не называя его, в большой рецензии на новые сборники стихов, где, настаивая на том, что эмигрантская поэзия переживает кризис, Адамович предался рассуждениям о «советских стихотворцах» и написал, что Николай Заболоцкий «сочиняет стихи от лица зоценковского наивно-незадачливого героя»:

Я говорю — «русская» литература, «русская» поэзия... Кто-нибудь упрекнет меня, пожалуй, в том, чтоя умышленно обхожу поэзию советскую. Но упрек былбы несправедлив. Среди советских стихотворцев есть, конечно, даровитые люди, однако так называемых «новых путей» в тамошней поэзии не видно нигде. Обыкновенно, «новые пути» связываются с именем Пастернака. По глубокому моему убеждению, это — ошибка. <...> Пастернак любопытен, интересен. Но в нем ничего нет нового, и вообще этофигура расплывчатая, без стержня, без личной темы. <...> Кроме Пастернака есть Сельвинский — блестящий стихотворец, но еще непомерно более блестящий «халтурщик», дающий на десять удивительных строчекпуды и тонны невообразимого хлама. Затем — Луговской, Прокофьев, Браун или даже Заболоцкий, который с таким искусством притворяется кретином и с такой очаровательной непринужденностью сочиняет стихи от лица зоценковского наивно-незадачливого героя, что, наверно, должен быть умнее и острее всех своих «перестроившихся» собратьев...²¹

Рецензия Адамовича на «Воспоминания о Мишеле Синягине» могла пройти незамеченной так же, как и другие «Литературные заметки», но неожиданно привлекла внимание Тэффи, которая меньше чем через две недели написала ему письмо. Прежде никаких эпистолярных отношений между ними не существовало:

²⁰ См.: «Нам кажется, что поэт-критик заслонил в данной статье мыслителя-критика, и сила Адамовича-писателя сделалась его слабостью. В статье “Оправдание черновигов” есть целый водопад критической поэзии, составляющей подлинное богатство литературы» (*Голлербах Е.* К истории русской зарубежной литературы. Материалы из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Д.А. Шаховского) // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры.* 1996. Т. II. № 2. С. 267).

²¹ Последние Новости. 1934. № 4705, 8 февр. С. 2. Цит. по: *Адамович Г.* «Последние новости». 1934–1935 / Подгот. текста, сост. и примеч. О. Коростелева. СПб., 2015. С. 26–27.

25. III.1931.

Дорогой Георгий Викторович,

Мы с Вами, кажется, начинаем разговаривать? Чу — де — са!

Знаем мы друг друга не меньше пятнадцати лет. В Петербурге Вы были маленьким мальчиком.

В Париже вдруг увидела Вас совсем большим и очень умным.

В статьях Ваших отмечаем (не я одна) благородный тон и европейскую эрудицию, и то, и другое столь, увы, редкое у наших братьев-писателей...

Теперь о Зоценке.

Я бы сказала, что это певец с отличным голосом и с крошечным репертуаром.

Он, почему-то, уже весь кончился.

Заметили Вы в его последних вещах уже подражание самому себе. Вдруг ни с того, ни с сего, словно вспомнив, что то или иное словцо имело успех, ввернет «сукин сын», «колбасится», «присобачили». И всё уже так устало, лениво, безрадостно. Вся непосредственность, талантливость юмора от него ушла.

Он не писатель. Он юморист.

Сейчас он под гиканье и гогот толпы еще силится идти по своей дороге. Падает. Подымается. С отчаянием, с омерзением к самому себе:

«Автор бе очень утомившись... Автор три года хворал...»

Ужасно жалкий он сейчас.

Последнее время я как раз много думала о юморе. Самый великолепный юмор и грубый, как шарж, и тонкий, — словом чудесный юмор, высший — нахожу у Достоевского.

Ну однако не довольно-ли для первого нашего разговора.

Шлю Вам самый сердечный привет. Долго ли Вы пробудете в Ницце?

Я о своей судьбе ничего не знаю.

Преданная Вам,
Тэффи²².

Из этого послания не совсем понятно, соглашается ли Тэффи с новым отношением Адамовича к литературным возможностям Зоценко или, напротив, мягко возражает ему в нюансах. Но очевидно, что она заметила в рецензии на «М.П. Синягина» перемену прежних постулатов Адамовича, касавшихся зоценковского юмора. Отсюда ее категорическое утверждение: «Он не писатель. Он юморист».

²² Beinecke Rare Book and Manuscript Library (Yale University). Georgii Adamovich Papers. GEN MSS 92. Box 1, folder 13.

Вероятно, Тэффи, будучи звездой сатирической литературы, могла испытывать по отношению к Зощенко «озабоченность влиянием»²³. По мере роста его популярности в эмиграции она не могла не рассматривать обновление своих писательских приемов, чтобы ее рассказы могли соответствовать вкусам тех ее читателей, которые уже узнали Зощенко²⁴.

Со своей стороны, Адамович ответил на письмо Тэффи самым галантным образом: в середине апреля он напечатал благожелательную рецензию на только что вышедший в Белграде сборник ее рассказов «Книга-Июнь»²⁵.

Литература

Адамович Г. Собрание сочинений. Литературные беседы / Вступ. ст., сост. и примеч. О. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998. Кн. 1. 570 с.; Кн. 2. 506 с.

Адамович Г. Литературные заметки. В 5 кн. / Предисл., подгот. текста, сост. и примеч. О. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002–2007. Кн. 1. 786 с.; Кн. 2. 512 с.

Голлербах Е. К истории русской зарубежной литературы. Материалы из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Д.А. Шаховского) // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. 1996. Т. 2. № 2. С. 231–320.

Долинин А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М.: Новое издательство, 2019. 648 с.

Зощенко М. Н. Тэффи / Публ. В. Зощенко // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1972 год. Л.: Наука, 1974. С. 138–142.

Коростелев О. Подчиняясь не логике, но истине... («Литературные беседы» Георгия Адамовича в «Звене») // Адамович Г. Собрание сочинений. Литературные беседы / Вступ. ст., сост. и примеч. О. Коростелева. Кн. 1. СПб.: Алетейя, 1998. С. 5–30.

References

Adamovich G. *Sobranie sochinenii. Literaturnye besedy* [Collected works. Literary conversations], intro., comp., comment. O. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. Book 1. 570 p.; Book 2. 506 p. (In Russ.)

Adamovich G. *Literaturnye zametki* [Literary notes], in 5 books, intro., text ed., comp., comment. O. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2002–2007. Book 1. 786 p.; Book 2. 512 p. (In Russ.)

²³ Удачный перевод термина Гарольда Блума “the anxiety of influence” принадлежит Александру Долинину.

²⁴ Зимой 1919–1920 г. во время занятий в Студии Дома Искусств Зощенко написал статью о творчестве Тэффи. См.: *Зощенко М. Н.* Тэффи / Публ. В. Зощенко // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1972 год. Л., 1974. С. 138–142.

²⁵ Последние Новости. 1931. № 3676, 16 апр. С. 2.

Dolinin A. *Kommentarii k romanu Vladimira Nabokova "Dar"* [Commentary on Vladimir Nabokov's novel "The Gift"]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2019. 648 p. (In Russ.)

Gollerbakh E. K istorii russkoi zarubezhnoi literatury. Materialy iz arkhiva arkhiepiskopa Ioanna San-Frantsisskogo (D.A. Shakhovskogo) [On the history of Russian émigré literature. Materials from Archbishop John of San Francisco (D.A. Shakhovskoy) collection]. *Russian Studies. Ezhekvartal'nik russkoi filologii i kul'tury*, 1996, vol. 2, no. 2, pp. 231–320. (In Russ.)

Korostelev O. Podchiniaias' ne logike, no istine... ("Literaturnye besedy" Georgiia Adamovicha v "Zveno") [Submitting not to logic, but to truth... ("Literary conversations" by Georgy Adamovich in "Zveno")]. Adamovich G. *Sobranie sochinenii. Literaturnye besedy* [Collected works. Literary conversations], book 1, intro., comp., comment. O. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998, pp. 5–30. (In Russ.)

Zoshchenko M. N. Teffi [Nadezhda Teffi], publ. V. Zoshchenko. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1972 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1972]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 138–142. (In Russ.)

“Now on Zoshchenko”: Adamovich, Teffi and “the anxiety of influence”

© 2020, Andrei Ustinov

Abstract: Throughout the 1920s and 1930s, Mikhail Zoshchenko was one of the most popular Soviet writers. His literary works were published and actively discussed in the USSR, and by the Russian Diaspora abroad. Zoshchenko's name started to appear in the writings of an émigré critic Georgy Adamovich at the very beginning of his literary career. This article reconstructs the evolution of Adamovich's opinions about Zoshchenko's literary talent. In particular, the author analyzes a forgotten review of Zoshchenko's novel “M.P. Siniagin (Memoirs of Michel Siniagin)”, that appeared in the Paris newspaper “Poslednie Novosti” on March 12, 1931, and has been never reprinted since. The Adamovich's review prompted Teffi (Nadezhda Lokhvitskaia-Buchinskaia) to send him a private letter — published here for the first time — in which she formulated her understanding of Zoshchenko's artistic manner (“He isn't a writer. He is a humorist”), perhaps dictated by “jealousy” towards another satirist and “the anxiety of influence” in her own literary work.

Keywords: Georgii Adamovich, Mikhail Zoshchenko, Vladislav Khodasevich, Teffi, Soviet literature, Russian émigré literary criticism, writers' correspondence

Information about the author: Andrei Ustinov, Dr. Phil. Hab., Director of “Aquilon Books”, San Francisco, USA. E-mail: abooks@gmail.com

Citation: Ustinov Andrei. “Now on Zoshchenko”: Adamovich, Teffi and “the anxiety of influence”. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 307–321. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-307-321